

Юлия Долженко

СТИХИ

Юлия Петровна Долженко

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63512338

Стихи:

ISBN 978-5-0051-8794-9

Аннотация

В сборник Юлии Долженко вошли стихи, сложенные на протяжении всей жизни. Во многих стихах отражена сложная переломная эпоха. Основу сборника составляет гражданская и социальная лирика.

Содержание

Стихи, написанные в молодости	7
Драма на вокзале	7
Ты помнишь нашу молодость, Юринский?	9
Не боги горшки обжигают, не боги...	11
Пусть в глазах несётся скерцо...	13
Я глупости делаю время от времени...	14
Зачем на обстоятельства валить вину?	15
Я пью за счастье, пью за горе...	16
Четверостишия	17
Ах, Ирина, Ирина!	19
Ах, Людмила, Людмила, Людмила!	20
Всё проходит навсегда...	21
Не только от себя не убежишь...	22
Через все километры...	23
Мне бы плакать над ней, проклятой...	24
Стихи эпохи девяностых	25
Взаймы у М. Булгакова	25
В нашем воздухе, жаль – не само по себе...	26
А всё же, нелегко решиться...	27
Геростратова слава – позорная слава...	28
Пародия. Поручику Р	30
По мотивам Шекспира	31
у нас в копировальной	32

А на небе сегодня, право...	34
К нам приходит рабовладелец...	35
С Новым рыночным годом!	36
А. Блоку	37
Сказал: «Когда сообразите...»	38
В дни не особенно счастливые...	39
Опять рассыпалась весельем...	41
Поздравляю с Днём невесомости...	42
Ну а пока...	43
Не размножившим зла и скуки...	44
Поздравляю вас с Новым Рыночным годом!	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стихи

Юлия Петровна Долженко

© Юлия Петровна Долженко, 2021

ISBN 978-5-0051-8794-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долженко Юлия Петровна родилась 22 декабря 1951 года

в г. Краснодаре.

Работала на промышленных предприятиях, в том числе и на вредных, опасных производствах.

Публиковалась под псевдонимами Николай Колокольчик и Александр Колб, но основную часть произведений писала не для публикации.

Значительную часть жизни прожила в городе Комсомольск-на-Амуре, детство провела в Магадане и Краснодаре, юность – в Краснодаре.

Часть стихов не сохранилась.

Стихотворения сборника публикуются частично на основе черновых записей.

Умерла в 2019 году во Владивостоке.

Стихи, написанные в молодости (юность и старше)

Драма на вокзале

Я помню: ночь, шагаем мы по шпалам,
Пустой, как будто вымерший вокзал.
Я до платформы не дошла – упала,
И ты меня, несчастную, поднял.

Воды! Воды! И шпалы закачались,
До неба поднялись. Хотите – лезьте,
Часы на башне здания смеялись,
Подмигивали цифры два и десять.

– Я не дойду! – Но здесь сидеть опасно!
– Я не дойду! – А я доволоку!
Платформа почему-то стала красной,
Мост, развалившись, дрыхнет на боку.

Напрасно ты старался – я сердилась,
Шепча: «Уйди», – усталыми губами.
И вдруг луна упала... И разбилась...
Осколки пролетели между нами.

Ты помнишь нашу молодость, Юринский?

Ты помнишь нашу молодость, Юринский?
В нелепых шутках было столько риска
Друг-друга на карнизе целовали,
На смерть с карниза этого плевали.

Ну а сейчас? Недалеко до смерти,
Уже не верим, что когда-то жили.
В аду нас вечно будут жарить черти
За всё, что так недолго мы любили.

Вы думаете, что я бредить стала?

Вы думаете, что я бредить стала?
Нет, это было в Новороссе!
«Приду я в два», – сказала Алла,
Шесть,.. семь,.. восемь...

Вы думаете, что я брежу снова?
Нет, это было в Краснодаре.
«Приду в четыре», – сказала Полякова,
Восемь, девять... и так далее...

Вы думаете, я с ума сошла?

Это было прошлым летом:
«Приду послезавтра», – сказал Николай.
И вот до сих пор его нету.

И глупую нежно мечту лелея,
В душе с нерастраченным пылом (?),
«Ну что же. Подожду», – Сказала судьбе я,
Судьба про меня забыла.

Не боги горшки обжигают, не боги...

Не боги горшки обжигают, не боги.
Прекрасные строятся где-то дороги.
А я на расшатанном стуле сижу
И эти дороги пером вывожу.

Перо моё кальку без устали режет,
Его вытираю всё реже и реже.
Вода из-под крана холодная – пей,
И пальцы, как десять огромных червей.

Исчезну! Погибну! О, мама, прости!
Нет, выстою! Выживу! Шесть без пяти!
Я чёрной рукою в пространстве махаю,
И тушь на чертёж, на чужой, проливаю.

И сразу же на пол, (Чур! Чур! Наважденье!)
Летят мои ручки, угольники, перья, —
Я тихо рыдаю – душой, не глазами.
Стекло на меня надвигается в раме.

О, только б из рамы оно не упало!
Уж шесть без минуты. Осталось так мало.
К шкафу прислонилась – сопит он и злится
И, чую, сейчас на куски разлетится.

Свобода! Из шатких дверей вылетаю.
Тоска, как снежинка, в руках моих тает.
И в сквере, садясь на скамью ошарашенно,
От счастья целую табличку «Окрашено».

Пусть в глазах несётся скерцо...

Пусть в глазах несётся скерцо,
Свою душу подготовь:
Существует чьё-то сердце —
Спроектируй в нём любовь.
Подведи лукаво бровь.

Я глупости делаю время от времени...

Я глупости делаю время от времени,
Я от природы тупица.
И каждая глупость тяжким бременем
На сердце моё ложится.

И каждая глупость необъяснима —
Разит она нежностью грубой.
И ни одна не проходит мимо —
За каждую платят губы.

Довольно, довольно, довольно охать,
Оставлю в покое губы.
Эх, мне теперь бы в свой быстрый локоть
Вонзить ненасытные зубы.

Зачем на обстоятельства валить вину?

Зачем на обстоятельства валить вину?..
С высокой башни на всё плевать!
Я в пятницу вечером крепко усну
И целых два дня буду спать, спать, спать.

А утром, одуревши от сна,
Поплетусь на завод.
И это опять не моя вина;
Просто время идёт.

Судьбу в его мерзкую пасть сую,
И время – его сиятельство —
Подкидывает новую свинью —
Новые обстоятельства.

Я пью за счастье, пью за горе...

Я пью за счастье, пью за горе, —
Пью за себя, за всё подряд,
За то, что я была на море,
За этот жёлтый листопад.

Хоть нет тебя со мною рядом,
Надежда есть, что ты придёшь,
Придёшь, окинешь кротким взглядом,
А за окошком будет дождь.

Я буду плакать и смеяться,
И не понравлюсь я тебе,
Потом я с Любой буду драться,
Я буду гаже и дурней.

И ты уйдёшь, наверно, к Вере,
Поняв, что я уже не я,
Я провожу, закрою двери,
Вернусь и выпью за тебя.

Четверостишия

Пусть позавидует кто-то,
Так безнадежно живой,
Я шрифую болото
Буйной своей головой.

Коль к жизни неожиданно
Теряешь интерес,
Иди гулять по выгонам,
Зайди в зелёный лес.

Без крупного рогатого скота
Ты не наполнишь алчущего рта!

Беритесь за работу все активно,
Чтоб даже дождик плакал перспективно.

Зелень прекрасных плантаций!
Мне бы пойти прогуляться,
Чтоб в виноградном соку
Смыть с себя грусть и тоску.

Ах, Ирина, Ирина!

Ах, Ирина, Ирина!
Сегодня зарплата,
Выключай-ка машину,
Не будем печатать!

Ах, Людмила, Людмила, Людмила!

Ах, Людмила, Людмила, Людмила!
Грусть топя во флакончике туши,
Ты тоскуешь по жёлтому мылу,
Что купается с Зубовым в душе.

Ну зачем же душа твоя стонет?
Эту боль успокоив на веки,
Мыла кус сердобольная Тоня
Покупает в ближайшей аптеке.

Всё проходит навсегда...

Всё проходит навсегда.
Был ли мальчик? Ерунда!
Снова в проруби, кошмар,
Тонет чей-то божий дар.

Да не чей-то он, а мой.
Молча я бреду с сумой.
Из надежды и любви
Получилось «Се ля ви».

Жизнь вопит: «Чего? Любви те?
Ну кого вы удивите?
У тебя же был лишь бред,
А любви на свете нет.

Мальчик есть. Лишь божий дар
Тонет. Это ли кошмар?
Зря вы бога не гневите

....

Не только от себя не убежишь...

Не только от себя не убежишь,
Ворвутся в душу, как не замыкай.
Весна. Опять большой зелёный шиш
Мне весело показывает май.

Уймись, весны зелёная печаль,
У пустоты бывают ли истоки?
Умчится скоро он куда-то в даль
Под парусом пока что одиноким.

В мир новый – мир веселья и идей.
Дай бог, чтоб лучших встретил он людей.
Ну что ж... А мы помчимся дальше сами
Под рваными, ей богу, парусами.

Потом без жалости сменяем парус
На быстрый комфортабельный «Икарус».
На перестройку, скорость, дисциплину.
О, боже! Дай мне сил – я тоже сгину.

Через все километры...

Через все километры
Я его обниму.
Прилечу тёплым ветром
И спрошу: почему?

Будет думать он где-то:
Что за ласка-вопрос?
Не дождусь я ответа.
Грянет вечный мороз.

Километры! Видала?
Да всего три квартала!
Не поймёт он чужую,
Ничего не спрошу я.

Мне бы плакать над ней, проклятой...

Мне бы плакать над ней, проклятой
Но смеялась и в чёрный провал
Не глядела, а жизнь змея-то
Оказалась во всём права.

Ничего я просить не буду.
Как всегда, ты в своих правах,
И останется это чудо
Только в злобных моих стихах.

Снег косым невесёлым полётом
Сыплет с неба нахально в мае,
Будто есть там на небе кто-то,
Кто ещё меня понимает.

Стихи эпохи девяностых (Девяностые годы – начало двухтысячных)

Взаймы у М. Булгакова

Куда же мчусь в последней рубашке я?

А в сердце иероглифы тяжкие.

И лишь один из них расшифрован:

Горе мне и горькое зло вам.

И не расшифровать остальных Таинственных.

В нашем воздухе, жаль – не само по себе...

В нашем воздухе, жаль – не само по себе,
Разлилось что-то липкое, душное.
Окуджава нам в страхе велит, в нищете
Жить, не плача, законопослушными.

Я премудрости Вашей читая тома,
От восторга теперь не глупею.
Но и горе моё явно не от ума,
Ну, а всё-таки, жаль чародея.

05.95

А всё же, нелегко решиться...

А всё же, нелегко решиться
И к косяку не прислониться,
Как шарик в воздухе виси:
Не верь, не бойся, не проси.

А нет поверить бесшабашно,
Чтоб после крикнуть: «Обманули!»
Висеть всё время – это страшно,
Но к богу ближе, чем на стуле.

Геростратова слава – позорная слава...

*«Бедный по необходимости бывает невольником
богатого.*

*Не живи среди народа, у которого пышность
храмов оскорбляет бедность честных жилищ»
(о. 580 – 500 лет до н. э.) Пифагор.*

Геростратова слава – позорная слава
Вот и высятся храмы и слева, и справа.
Подсчитать сколько там миллионов и тыщ
Оскорбляющих бедность всех честных жилищ.

Без сомненья устал бы и сам Пифагор
Подсчитать сколько лет длится яростный спор.
Я ж невольник, устало бредущий в свой дом —
Нет ни денег, ни сил, чтоб покинуть Содом.

Ах, наверно, вздохнула б сама Артемида
От усталого грустного нашего вида.
Друг от друга мы прячем усталые лица,
А хозяевам нравится пить и молиться.

Вороватые дети по городу бродят
Да и взрослые тоже – урод на уроде.

Если б их удалось оторвать от стакана
Нам, быть может, жилось бы не так и погано.

Пародия. Поручику Р

Приснился как-то страшный сон
Мальчишке – что поручик он —
Красивый, с крепкими ногами
Мечтает о прекрасной даме, —

Но дамы ели мало каши,
К тому же, пили их папаша,
Курили, и в табачном дыме
Все дамы выросли худыми.

И господа меж ними шастают
Все безобразные, ушастые,
А великан – ужасный, злой,
Кричит: Поручика долой!

Поручик грустен стал, рассеян —
Остался, на фиг, без друзей он!
И стал поэтому поэтом.
Проснувшись, стоит ли об этом?

По мотивам Шекспира

Привет Вам от Зигмунда Фрейда.
Вот флейта – всего только флейта.
Прошу Вас, сыграть сумеете
На этом простом инструменте.

Не можете? Как тоскливо!
В каком же кошмарном сне,
Как думать тогда могли Вы,
Суметь поиграть на мне?

у нас в копировальной

Здесь у нас в копировальной
Вроде ночи карнавальной:
Люди – мышки, лампы – звери
Все к чертям перегорели.

Что-то нынче Дед Мороз
Злобно лает, как овчарка.
Сам голодный, как Барбос
К нам явился без подарка.

Кто б весы нам подарил,
Чтобы, в чувствах лучших самых,
Каждый сколько начертил
Отчитался в килограммах.

И тогда скажу я прямо,
От волнения не дыша,
Что четыре килограмма
Начертила не спеша.

И могу насволочиться,
Килограммов сделать пять,
Если буду, как волчица,
Лист попроще выбирать.

А пока я выбираю,
Как простой карманный вор,
Кто-то деньги забирает
За удачный договор.

Умный не полезет в гору.
Но прошу у силы чёрной
Не давать без договора
Мне работы договорной.

А на небе сегодня, право...

А на небе сегодня, право,
Вместо бога – экономист.
Прокатилась дурная слава,
Что бездельник я и коммунист.

Ах, какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Раньше я в коммунизм не верил,
Но боюсь, что поверю теперь!

К нам приходит рабовладелец...

К нам приходит рабовладелец
Покупать нас – ведь мы на рынке.
Среди прочих смешных безделиц
Наши души в его корзинке.

Он считает часы, минуты,
Но в нелёгкой своей работе,
И не знает, маньяк надутый,
Что давно уже сам в просчёте,

Что грехи его тяжким грузом
Упадут на его детей.
И живёт он с набитым пузом
Ещё лучше, ещё веселей.

С Новым рыночным годом!

С Новым рыночным годом,
Господа и рабы!
Для труда и свободы
Приготовьте гробы!

Вам прекрасную мафия
Указала дорогу:
Посмотрев порнографию,
Вы помолитесь богу.

Господа демократы,
Проявивши усердье,
На страну были рады
Положить милохердье.

А. Блоку

«Живите при свечах,
Танцуйте до зари»,
Забудьте Ильича,
Что свет вам подарил.

Ах, если бы, кабы...
Но сотни тысяч «да»!
Должны быть и рабы,
Коль правят господа.

Найдёт в болоте кров
Любой послушный раб:
В болоте нет костров,
Лишь не было костра б.

Куда ты, светлячок?
В болоте не свети!
Утопят, дурачок!
Но некуда уйти.

Скитаешься по пням
И прячешь тихий свет.
Но настоящим дням
Ты всё же молвишь: Нет!

Сказал: «Когда сообразите...»

Сказал: «Когда сообразите,
Что все пути приводят в Рим,
Мол, вот тогда и приходите,
Мол, вот тогда поговорим.»

Теперь, я это знаю твёрдо,
Срывая чахлую листву
Все ветры дуют в *сине чёрну* (?)
А все пути ведут в Москву.

Нет, все пути проходят мимо,
Но даже мимо Краснодара,
А не какого-то там Рима.
Ты помнишь, как звучит гитара,

Коль говорить не хочешь – спой,
А лучше что-нибудь скажи:
Ведь есть на свете бред – больной,
Несчастный братец лжи.

В дни не особенно счастливые...

В дни не особенно счастливые
Приятны люди молчаливые,
И если Вы – глухонемой
Звоните – летом и зимой.

В жару или в похолоданье
Я буду ждать Вас, до свиданья.
Но если Вы из ЦРУ
Я больше трубку не беру.

Жаль, что нельзя узнать не глядя,
Звонит кто – тётя или дядя,
Или неведомый ребёнок
Ошибся номером спросонок?

Или бесплатно, просто так
Ведёт сеанс Алан Чумак?
Но мне ужасно повезло,
Что есть кому сказать: «Алло»

Будь там хоть пьяный Бармалей,
Мне, право, стало веселей.

И я Вам очень благодарна,
Хоть и молчите Вы коварно,

Хоть, может, не меня Вам надо,
Я всё равно Вам очень рада.

Опять рассыпалась весельем...

Опять рассыпалась весельем
Моя бездонная печаль.
Ты, обвинив меня в безделье
Обдуманно ли, с горяча ль,...

Поздравляю с Днём невесомости...

Поздравляю с Днём невесомости,
Независимости от совести.
Две копейки всем нам теперь цена,
Если празднуем мы день Ельцина.

Сколько разных благ
Этот день нам сулит,
Но пиратский флаг
Над страной висит.

Ну а пока...

Ну а пока сдыхают наркоманы
И режет землю олигарха нож,
Кто-то пишет лживые романы
Считая, что спасает только ложь.

Кто-то мажет щёки жирной краской,
Считает, что спасает красотой
Своё уродство под надёжной маской
Скрывая со святою простотой.

Ну а пока без устали терзает
Родную землю олигархов нож
И красота надёжно лож спасает,
А красоту спасает только ложь.

Не размножившим зла и скуки...

Не размножившим зла и скуки
Ампутируют, что ли, руки?
И аресты в тридцать седьмом
Объясняются этим письмом?

Не сулите мне миллионы,
Не хочу золотого клада!
И ни долларов, ни короны
Мне во время чумы не надо.

Между прошлым и будущим нить,
Ну а вы протяните, чего там,
Эту нить к двадцати идиотам.
Но хочу я не хапать, а жить.

Поздравляю вас с Новым Рыночным годом!

Поздравляю вас с Новым Рыночным годом,
Девяностопроклятым, и с Новым страданием,
С беспощадным и благостным переходом
К отношениям рыночным, обезьяньим.

Что поделаешь, это ведь год Обезьяны,
Да к тому же ещё високосный,
И натравленные друг на друга страны
Останавливать вроде смешно нам и поздно.

Дело мира закончил творить наш лидер.
Будто стабилизатор «Мир вашему дому»
Тихо спел, на Высоцкого не в обиде,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.